

пехотные подразделения. Не выдержав стремительного удара наших частей, фашисты отступили, оставив на поле боя сотни убитых и раненых.

Над городом Калинин снова реет красное знамя. Остатки разбитых немецких дивизий отступают на запад. Еще решительней двигаться вперед, сильнее бить по немецким войскам!

БОИ ЗА КАЛИНИН

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Город Калинин являлся для армии противника исходным пунктом наступления в трех направлениях: на Ленинград через Вышний Волочек, на Москву через Клин — Волоколамск и на север — через Бежецк. Действия в этих трех направлениях, враг рассчитывал на разобщение наших вооруженных сил, нарушение связи между ними. Наконец, вражеская группа, заняв город Калинин, должна была дать немецким войскам, сконцентрированным под Москвой, надежную защиту от флангового удара с севера. Чтобы осуществить этот план, враг вынужден был в район Калинин свою 3-ю подвижную группу Гота в составе двух танковых дивизий, одной мотодивизии и отдельного учебного мехполка. Эта группа под прикрытием бомбардировочной авиации начала свое наступление в конце первой половины октября. К тому времени в Калинин, как пункт стратегического удаленного от театра боевых действий, не было никаких крупных войсковых соединений. Все тяжести удара 3-й подвижной группы немцев приняла на себя только одна наша стрелковая дивизия — 161-я, в составе которой было всего 10 батальонов, 2 полка, 1 батальон, 1 ротный батальон и 1 батальон.

Действия этой дивизии, не имея никаких крупных войсковых соединений, все тяжести удара 3-й подвижной группы немцев приняла на себя только одна наша стрелковая дивизия — 161-я, в составе которой было всего 10 батальонов, 2 полка, 1 батальон, 1 ротный батальон и 1 батальон. Дивизия была разбита на две части, а ее авангарды почти полностью уничтожены. Главные силы врага оказались запертыми в Калинин на длительный срок. В боях под Медным противник оставил на поле боя до 1000 трупов, 200 мотоциклов, до 30 танков, 15 орудий, много автоматов и других трофеев. Это был первый наш серьезный удар по врагу на Калининском направлении.

Вплоть до 15 ноября враг усиленными темпами укреплял занятые им рубежи и подтягивал к г. Калинин свои пехотные резервы из глубины. Первой двинулась в район Калинин 161-я пехотная дивизия генерала Вилка. Однако, не достигнув Калинин, она была встречена нашей стрелковой дивизией генерала-майора Березина. Враг получил второй, весьма ощутительный удар. 161-я фашистская дивизия была разбита на отдельные группы и разбита по частям.

Генерал Вилка тогда не достиг Калинин. После первой же встречи с нашими войсками он был вынужден отвести свою дивизию на переформирование. Лишь после этого с обновленным составом он прибыл в район Калинин в середине ноября. К этому же времени сюда были подтянуты 86-я, 162-я и 110-я пехотные дивизии противника.

Вплоть до 15 ноября враг усиленными темпами укреплял занятые им рубежи и подтягивал к г. Калинин свои пехотные резервы из глубины. Первой двинулась в район Калинин 161-я пехотная дивизия генерала Вилка. Однако, не достигнув Калинин, она была встречена нашей стрелковой дивизией генерала-майора Березина. Враг получил второй, весьма ощутительный удар. 161-я фашистская дивизия была разбита на отдельные группы и разбита по частям.

Генерал Вилка тогда не достиг Калинин. После первой же встречи с нашими войсками он был вынужден отвести свою дивизию на переформирование. Лишь после этого с обновленным составом он прибыл в район Калинин в середине ноября. К этому же времени сюда были подтянуты 86-я, 162-я и 110-я пехотные дивизии противника.

Дорога на Запад

(Михайлов — Епифань — Богородицк)

Старый тракт из Рязани на Михайлов — Епифань — Богородицк. Старинные русские города, названия которых записаны еще в летописях времен татарского нашествия. Древняя, родная русская земля, сердце России.

Русские люди снова идут по этим старым дорогам, изгоняя чужеземцев, опоганивших и испепеливших все, что нами, нашими руками, возведено на этой земле.

Все чаще на дороге попадаются немецкие танки, транспортные машины, грузовики, мотоциклы, штабные машины, орудия.

Михайлов. Город разбит артиллерией. Ни в одном доме нет стекла. Если, городская библиотека, школа — все затоптано. На полу валяются обложки оборванной мебели, обожженные листы книг. Немцы оккупировали город, но сжечь не успели. В жестоком бою стремительным натиском части генерала Голыкова обложили город с двух сторон и ночью, в трескучий мороз, пошли на штурм. Немцы не выдержали и бежали после яростного ночного уличного боя. В каждом дворе остались их машины. По улицам раскатыли пакеты документов, задрал к небу стволы, стоят на перекрестках брошенные зенитные орудия.

У врага, на задранных, полуразрушенных снегом торчат жерла 8-дюймовых. Немцы даже не успели выпустить замки у пушек. Рядом валяются ящики с неизрасходованными снарядами.

Еще до сих пор в городе, то в одном, то в другом подвале, вываливают сир...

Наступление наших войск развивается успешно

(По телефону от наш. спец. корр.)

Западные направления, 16 декабря. (По телефону от наш. спец. корр.). Под натиском частей Западного фронта немцы продолжают отступление из-под Москвы. Враг отступает всеми войсками, которые были нацелены им для крупных и малых охватов подмосковной обороны.

За истекший день, как и прежде, наиболее упорные бои происходили к югу и северо-западу от столицы. После разгрома калининской группировки врага, поражения немецких войск в районе Угловой и под городом Богородицком наступление наших частей развивается с прежним успехом. Противник отходит в западном и юго-западном направлениях, оставляя на своем пути машины и вооружение. За вечерний день у врага отбито 90 населенных пунктов. Захвачены трофеи: 66 танков, 5 бронемашин, 120 орудий разных калибров, 104 пулемета, 25 минометов, 608 автоматов, 130 мотоциклов, 222 велосипедов, несколько тысяч мин и снарядов, а также много другого оружия и боевых припасов.

При отходе на новые рубежи противник прикрывается сильными артиллериями. Они состоят из пехоты, усиленной значительным числом минометов и артиллерии. На некоторых направлениях немецкие артиллерийские дивизионы действуют совместно с танками и авиацией. Один район из Волоколамского направления немцы обороняли двумя батальонами пехоты. Подоспешные сюда наши авангарды были встречены сильными минометным и артиллерийским огнем, а также контратаками небольших групп танков. С воздуха нашу пехоту атаковали фашистские самолеты. Пулеметным огнем с броневого полета пытались они задержать продвижение наших частей.

Этой артиллерийской тактикой немцы стремятся снизить темп нашего наступления, чтобы вывести из-под ударов советских войск свои танки, машины и моторы.

Серьезное поражение трех немецких дивизий

(По телефону от наш. спец. корр.)

Юго-западное направление, 16 декабря. (По телефону от наш. спец. корр.). Части тов. Москвитина успешно продолжают наступление. Фашистские войска, неся большие потери, отходят, оставляя на поле боя вооружение, технику, множество убитых и раненых солдат и офицеров.

За 9 дней наступательных боев части тов. Москвитина разгромили 134-ю, 162-ю и 45-ю пехотные дивизии противника. Освобождено от фашистского гнета 170 населенных пунктов. Захвачены богатые трофеи: 36 орудий, 40 пулеметов, 30 минометов, 42 автомата, 15 ящиков ручных гранат, более 700 тысяч патронов, 130 грузовых и легковых машин, 28 мотоциклов, 172 велосипеда, 270 повозок, 310 лошадей с упряжью, одна автомашинка, груженная телефонным кабелем и другое военное имущество и снаряжение.

За это время истреблено 2500 немецких солдат и офицеров.

Действующая армия. Пулеметчики Н. Замков и П. Белов ведут огонь по отступающим немецким войскам. Снимок специального фотокорреспондента «Красной звезды» Д. Минсера.

НАКАНУНЕ

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ, 16 декабря.

(По телефону от наш. спец. корр.). Встретившись с комиссаром Павловым-Радичем обещали мы по бое. Вдали виднелся Калинин. Поле еще дымилось. Мы мчались по следам отступающего врага. Буквально на каждом метре отбитой у него земли мы видели трупы фашистов.

— Попробуйте подчитать, — деловито сказал комиссар, с трупом выходя из машины. Он расен в ногу и в руку, по, по его мнению, время сейчас для лечения неподходящее, и потому он всегда находится в самом полке. — Ну-ка, взглянем, какова сегодня наша производительность.

Мы обходим один участок за другим. Мороз уже сковал мертвые тела фашистов. Они покрыты снегом. И все же на полях и на дорогах чернотой огромного количества убитых немецких солдат и офицеров. В тощей олеженье, шине в легких ботиночках, лежат они на той самой земле, на которую явились в качестве оккупантов. Советская земля приняла их сурово. Вместе с общими Гитлером был он и наш здесь бесславною смертью.

Несколько часов назад немцы еще пытались переходить в контратаку. Это были отборные бандиты из второго батальона «СС». Они окопались в одной из деревушек на господствующей высоте, устроив круговую оборону и зарывшись в землю танки. К ним никак нельзя было подступиться. Путь к ним лежал через лес, долина, а она не только простреливалась, но и была заминирована.

Надо было действовать хитро. Разведчики установили, что немцы ждут наступления с востока, из долины. Подразделение Аликсина, Максимов и Чикина обложили немецкие позиции с трех сторон. А с четвертой, с востока, действовал один маленький отряд. На него немцы повернули жерла своих орудий, минометы и пулеметы.

Этот отряд умело замаскировал себя. Немцы открыли сильный огонь. Отряд залег. Тогда с юга, севера и запада на врага обрушились подразделения Аликсина, Максимов и Чикина. Враг был смет. Его расстреливали в упор. Младший лейтенант Кузнецов тут же взорвал немецкий склад с боеприпасами. Ворон склада унесла панику в стане фашистов. Они начали метаться в поисках спасения. Но ни один из них не ушел от возмездия, так и лежал он здесь — два батальона отборных бандитов «СС» вместе со своими штабами.

Во второй половине дня враг решил взять реванш. На одном из участков он бросил в бой свой ударный отряд автоматчиков, разбив его на 3 группы. Все эти группы двинулись в психическую атаку. Автоматчики выжили из леса, как на прогулку, вразвалку, не торопясь, с дымчатыми парами в зубах и без единого выстрела. Они хлпали иногда в ладоши, стараясь согреть свои замерзшие руки. С трех сторон подходили они к нашим бойцам.

Снова завязался жаркий бой. Наши бойцы не дрогнули. Они выжидали и открыли

огонь, когда враг был совсем близко. А затем они двинулись вперед со штыками вперевес. Немцы не приняли пылкого удара и побежали обратно в сторону леса. От бравого их вида не осталось и следа. Они бежали, втянув голову в плечи, стараясь как можно быстрее скрыться в лесу. Их прикармливали здесь же, на бегу. Ни один из них так и не добрал до леса. Все до единого были истреблены.

Получив второй удар, немцы решили сделать новую попытку остановить продвижение N части. На этот раз они прибегли к самому подлому, самому гнусному приему. Они собрали в деревушке женщин и, поставив их впереди себя, пошли в наступление. Убийцы рассчитывали, что наши бойцы не будут стрелять в беззащитных советских людей. Расчет оказался неправильным. По подражанию, руководимому полком Юшкиным, с нестойкой выжилой из трудного положения. Разбившись на две группы и зайдя врагу во фланг, они бросились в атаку с двух сторон. Тогда, полные ярости и негодования, бойцы начали беспощадную расправу над фашистскими женщинами.

Мы встретились потом этих женщин. Под треск пулеметов и вой они пробирались по территории, уже очищенной нами от палачей. Лица у этих простых колхозниц были усталые, глаза вывалились из почти у каждой зловещей у рта суровые складки. Двое из них были ранены и шли с трудом. Одна, совсем молодая, за какой-нибудь час стала седой.

— Но мы не боялись смерти, — говорят они, — мы шли вперед и кричали нашим бойцам: «Стреляйте! Стреляйте в нас! Бейте этих разбойников! Бейте гадов!»

Они идут, поддерживая двух раненых подруг, — славные советские женщины, идут с гордо поднятой головой, как воины. Они и есть воины. Они поклялись вернуться, чтобы вступить в партизанский отряд и метать так, как немцам еще не спилось.

Ночью мы возвратились к командный пункт. В единственном уцелевшем доме чадил керосиновая лампа без стекла. Неприятно зловонный полесей телефон. У жарко топившейся печки толпились люди с почерневшими лицами. От взрыва или землетрясения вывалились стены. В тесном углу примостилась одна командир. Они подчитывали профилей последних нескольких дней. За профилем открывался счет сбитых самолетов, уничтоженных танков и истребленных солдат и офицеров. За вчера и сегодня только зенитчики сбили 3 самолета. А фашистов истреблено за эти несколько дней свыше 1.000. Разгромлены штаб 303-го полка 162-й немецкой пехотной дивизии, штаб 126-го артиллерийского полка. Мы знаем также значительный список захваченных трофеев.

Враг бежит, оставляя в сугробах свое вооружение, не успевая унести с собой раненых.

Горячий день был сегодня в N части. Ночь будет еще горячей.

Л. ЛОСЬ.

Доблестные железнодорожники

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 16 декабря.

(По телефону от наш. спец. корр.). В борьбе с некачественным врагом большую помощь нашим войскам оказывают военные железнодорожники. Десятки воинских составов с боеприпасами и продовольствием доставлял на готовые станции опытный машинист сержант Журавлев. Много раз ему пришлось маневрировать в пути, спасая свои поезда от налетов вражеской авиации и обстрелов артиллерии. Оказывая его локомотив был поврежден снарядом. Тов. Журавлев знал, что несет срочный и весьма ценный груз. Вывоз вспомогательного паровоза потребовал бы много времени. Кроме

того на участке прекратилось бы движение. Младший командир собрал имевшихся в наличии инструмент и вместе со своими помощниками заделал пробойники. Груз был доставлен к месту назначения.

Фашистская авиация совершила налет на одну станцию. Бомбы были повреждены вагоны красноармейца Радченко. Чтобы спасти боеприпасы и другие грузы, которые он вез на фронт, Радченко использовал железнодорожный паровоз. Несмотря на непрекращающиеся обстрелы и бомбежку с воздуха, тов. Радченко вывел из-под удара вражеской авиации не только свой состав, но и 7 других.

как и мы, по холоду сколько дней идее.

Сейчас я вам стою, не салится за него, поганый он. Они, как придут, так сейчас залузу залузу, разденутся и на стол голый задницей, выйдут. Мамы! — кричит она девчонка, — принес нож, я стон ножом поскребу, а то совсем заглодали паршивцы, русскому человеку сесть за него тошно.

После Кондуков — Колодезна. Отсюда немцы ушли еще позже, совсем недавно. Те же оборванные трубы, те же покореженные и развалившиеся строения, бившие в сараи и среди развалин женщины и дети. В командире принают двух немцев. Их только что поймали за соседними домами. Не успев бежать, отчаявшись спастись, они, в своей поистине волевой неспешности, решили дожить то, что не успели сжечь их соборы. Их поймали с горящей соломой в руках.

Разве можно назвать плебейскими этих убитых и поджигателей, да и вообще, разве применимо к ним какое-нибудь человеческое слово? Нуля в лоб — единственное, чего они заслуживают.

А Богородицк все еще горит. Прочот артиллерийская канонада. Когда на секунду стихают порывы ветра, слышится частый трескотня пулеметов.

Метель таила, что ничего не видно за три шага. В эту ночь Богородицк должен быть взят. Может, он уже взят, но доверие еще есть. Генерал Голыков отстранил вперед одного из своих штабных командиров.

Через секунду командир скрывается за метелью. Все слышно и слышно доносится артиллерийская канонада. Теперь сплошное зарево заняло весь горизонт, и даже летящий крупными хлопьями снег на фоне его кажется красным.

Утром наши части во главе с полковником Немуровым ворвались в Богородицк. Улицы дымались. То там, то здесь возмущалась одинокий, сохранившийся от пожара дом. В одном из этих домов бойцы наши сержанты немецких солдат, полураздетых, напившихся с вечера и продолжавших спать во время боя. Это было бы невозможно в поле, мало вероятно в сентябрь и возможно сейчас. Они стоят поспавшие, дрожащие от холода и страха.

Они боятся, что их расстреляют. Их не расстреляют, хотя по всей человеческой справедливости они только что и заслуживают. В подвале одного из сожженных домов только что, но сейчас, нашли трупы запертых там и заживо сожженных немцами четырнадцати наших взятых в плен красноармейцев.

Два красноармейца ведут по улицам выжженного города семерых немцев. Они ведут их далеко в тыл, через сожженные города и деревни, через разрушенные села. Они повели их и доведут, потому что таков приказ, но они с удовольствием, не сделав и трех шагов, воткнули бы штык в спину каждого из этих мерзавцев. Они повели их через сожженные деревни, мимо женщин, которые будут проклинать немцев и плевать им в глаза, они должны будут записать их от варочного гнева, от стариков, которые готовы повесить их на первом дереве или задушить своими руками. Красноармейцам захотелось зайти и избу погорелую, но они должны будут встать с собой в лапу этих семерых негодяев, которые день или два назад вытащили из этой избы все, что смогли, и повесили на стропилах ее хозяйка.

Красноармейцы доведут их, потому что таков приказ, но я не знаю, у кого из нас поднялся бы на копированную руку, если бы они не выполняли этого приказа.

Да, их — эту немецкую мерзость — нельзя назвать людьми. Нельзя, и не надо.

Я лечу обратно на своем самолете Олейников. Сверху как-то особенно хорошо видны эти сожженные города и деревни, эти провалившиеся крыши и обугленные трубы.

На дорогах валяются немецкие броневики и машины, много броневиков и машин, — и все-таки мало, надо больше, как можно больше, — до последнего.

В придорожных канавах валяются окоченевшие трупы немцев — трупов много, очень много, и все-таки мало, мало, надо больше, как можно больше, — до последнего.

К. СИМОНОВ.
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, войска генерала Голыкова.

